

П.Л.Белков

Китайская сказка о птице чжаогу

Материалы к докладу по результатам исследования сюжета сказки «Птица чжаогу» из сборника «Китайские народные сказки». М., 1972. Доклад прочитан на конференции «Кюнеровские чтения», МАЭ РАН // Кунсткамера, 29.01.2018.

При анализе этой сказки следует учитывать два тезиса, опубликованные ранее в материалах сборника Кюнеровских чтений. Три главных мотивемы (**красная, желтая, зеленая**) с возможным подразбиением каждой из мотивем на три субмотивемы (при существовании обратной операции стягивания) и три основных персонажа: агонист, протагонист, антагонист. Отметим, что субмотивемы делятся на три. **Таким образом предельное число делений тела сказки равно 27-ми малым мотивемам, или микромотивемам. 27 микромотивем – предельно низкий уровень абстракции.**

Секрет сказки в использовании матрицы с бесконечным числом столбцов (столбец = сказка, *т.е.* образец, строка – мотивема, *т.е.* свойство). Все повествование четко распределено (фрагментировано) по строкам. Это явление давно описано в терминах концепции **жесткого параллелизма** мотивов (Веселовский, Волков). Мачеха и ее дочь – злые, ленивые и некрасивые, падчерица добрая, работающая и красивая. Мачеха и ее дочь наказываются, гибнут, падчерица вознаграждается, торжествует.

Теперь при наличии некоторого навыка сравнения сказок с помощью мотивемной сетки (матрицы) можно попытаться разобрать сказку «Птица чжаогу».

Приблизительное распределение мотивов относительно русских сказок

Птица чжаогу	Морозко	Царь-девица	Гуси-лебеди
Жила когда-то на свете злая-презлая старуха. Были у нее сын да дочь-невеста			
Сын вскоре после женитьбы ушел за Великую стену в восточные края.			
Старуха начала всячески измываться над невесткой, а дочку холила да лелеяла. А дочка нет-нет да и сунет невестке несколько белых лепешек.			
В тот год развела старуха видимо-невидимо шелковичных червей. Каждый день до свету старуха невестку в горы гонит собирать тутовый лист. Собирает она день, собирает другой, солнце высоко, до вечера далеко, с тутовых деревьев почти все листья оборваны, того и гляди голыми останутся.	Пособничество недостача		

Свекровь посылает невестку в горы за листьями, грозит побоями, голодом лишением сна.			
А дочка у старухи была писаной красавицей, да и нравом на мать ничуть не похожа, жаль ей жену старшего брата.			
Тем временем невестка ищет тутовый лист, а в корзине у нее всего-навсего горсточка листьев. Притомилась бедная женщина, села у дороги и плачет.			
Дочка старухи отправляется вслед за невесткой. Они идут вместе по горам искать тутовые листья. Дело идет к вечеру. Девушка уговаривает невестку вернуться домой, но та отказывается возвращаться без листьев, надеясь, что горный дух сжалится над ней и превратит дубовые листья в тутовые.	Отправка		
Наконец, они доходят до горы, где живет сам Князь гор, нос – красный, глаза зеленые.			
Они доходят до родника. Опять девушка уговаривает невестку вернуться, но та решает подождать, надеясь, что дух воды сжалится над ней и превратит дубовые листья в тутовые			
Когда взошла луна девушка трижды призывает князя гор превратить дубовые листья в тутовые. На третий раз дубы превращаются в тутовые деревья («туты»). Они набирают полную корзинку и спускаются с горы.	Подвиг		
Старуха дома мечется, не знает, куда дочь подевалась. Радуетс возвращению своего чада. На невестку ругается: зачем дочь с собой увела. В НАКАЗАНИЕ НЕ ВЕЛИТ НЕВЕСТКЕ СПАТЬ, ВСЮ НОЧЬ ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ СТЕРЕЧЬ. <i>Ложный второй ход (Одноглазка, двуглазка и трехглазка. – Гримм 130) Нарушение (несправедливое наказание)</i>			
Невестка ходит в горы. Девушка относит ей лепешки из белой муки. На хребтах ни одного дуба не видно, везде тутовые деревья растут. Вскоре червяки нитку выплевывать стали, начали коконы из нее плести.		Путешествие в иной мир	
Однажды, когда невестка со старухиной дочкой дома сидели, коконы разматывали, налетел черный вихрь и унес девушку с собой.	Нарушение		Девочка уносит брата от яги
Невестка бросается за черным вихрем, кричит: Князь гор, отдай мою сестрицу! Идет по горам. Протерла подошвы, изорвала			

платье о колючий терновник. Ищет, но никак не может найти свою сестричку. Даже на след напасть ее не может. Прошла весна, лето, наступила осень. Все знали, что бедная женщина ищет сестрицу. Травинки стелются ей под ноги, чтобы мягче было ходить, яблони протягивали ветки со спелыми плодами. Птицы решили спасти невестку от холодов. Выщипали у себя пух, вырвали перья и бросили их невестке. Пух и перья прикрыли бедную женщину.	Следствие	Чудесное бегство	
На другой день подул северный ветер и обернулась невестка красивой птичкой. С тех пор красивая птичка все летает среди изумрудных тутов и кричит: Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру! Жалко людям птичку, и прозвали они ее Чжаогу – ищу сестру!		Узнавание.	
С тех пор красивая птичка все летает среди изумрудных тутов и кричит: Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру! Жалко людям птичку, и прозвали он ее Чжаогу – ищу сестру!		Конечная ситуация	

На первый взгляд, это обычная волшебная сказка и по стилю (поэтике) и по структуре (композиции). **Мотивы сказки «Птица чжаогу» нанизываются на естественный процесс выращивания шелковичных червей, от начала разведения до снятия коконов подобно тому, как классическая волшебная сказка нанизывается на процесс взросления (до свадьбы или – реже – до момента «понимания» по формуле «стерпится – слюбится»).**

Не удивляет и то, что можно сразу разглядеть, что перед нами нарратив, созданный **как бы** наложением сказки типа «Морозко» поверх сказку типа «Царь-девица» так что: вторая используется в качестве шаблона, по которому исполняется первая. Именно о таком соотношении можно судить по тому, что сказка «Птица чжаогу» начинается с мотивов, характерных для сказки «Морозко». Это мотивы «свекровь преследует невестку» и «свекровь гонит невестку в лес, ставя перед ней невозможную задачу».

Однако в отличие от классического сюжета дочь злой старухи не участвует в гонениях на жену брата. Она подкармливает гонимую невестку, причем неслучайным образом упоминается, что она – красавица (в противоположность каноническому построению, где красавицей является именно гонимый персонаж). А когда старуха прогоняет невестку в лес дочь следует за ней, чтобы спасти от гибели. Именно в этот момент происходит подмена: протагонистом становится дочь старухи. Логика здесь такова:

нарушение старухи, совершенное в отношении невестки, гонит ее дочь в лес, т.е. в пространство второй по порядку, желтой мотивемы, где она – при достижении центра пространства – совершает подвиг, описываемый мотивом «девушка обещает Князю гор выйти за него замуж в обмен на тутовые листья». Этот мотив, с одной стороны, можно сопоставить мотиву «девушка выдерживает испытание хозяина леса» в сказке «Морозко», с другой – «герой целует спящую царь-девицу». Далее идет мотив, подпадающий под рубрику возвращения. Следовательно, мотив «черный вихрь уносит девушку» является материалом для заполнения третьей (зеленой) мотивемы (мотивемы «узнавания») и в этой связи топологически эквивалентен мотиву из сказки «Царь-девица»: «царь-девица является и требует виноватого». В сказке «Морозко» данный мотив соответствует мотиву «старик привозит мачехе тело мертвой дочери (или дочерей)», который может читаться как мотив «Морозко посылает старухе тело мертвой дочери». Такие отождествления абсолютно оправданы, поскольку все три персонажа, царь-девица, Морозко и черный вихрь (т.е. Князь гор) являются антагонистами.

Таков сказочный канон: антагонист прямо или опосредствованно карает агониста. В сказке «Птица Чжаогу» формально наказывается протагонист. Двойственность толкования данного мотива проистекает из того, что, во-первых, дочь старухи – это бывший агонист (она классифицируется агонист, поскольку в классических случаях является союзником агониста, выполняя роль ложного героя). При таком подходе худо-бедно, но замуж она все-таки вышла – черный вихрь ее унес (кстати в одном из вариантов сказки «Морозко», увоз падчерицы в лес подается мачехой как выход замуж за Морозка). Таким образом, формально, по законам сказочной логики, наказывается дочь старухи. Она испытывает горе, непоправимую утрату и превращается в красивую птицу (выше упоминалось, что создатель китайского нарратива (вообще трансформация героя – неотъемлемая часть текста именно третьей, зеленой мотивемы). Таким образом, задним числом, за счет конечной ситуации сказка окрашивается в красный цвет мифа.

Впрочем, в сказке «Птица Чжаогу» спрятана сказка еще одного типа, а именно: «Гуси-лебеди». За счет подмены главного персонажа мотив «девушка обещает Князю гор выйти за него замуж в обмен на тутовые листья» из центрального мотива в родной сказке (о царь-девице: поцелуй спящей девушки есть подвиг-нарушение) превращается в центральный мотив первой (красной) мотивемы, принимая значение «пособничества», так как девушка ей помогает: невестка совершает «подвох» тем, что не хочет, или боится вернуться домой с пустой корзиной (ср. сказку «Двенадцать месяцев»: в семье есть старшие и младшие, старшие посылают младших в лес за хворостом, ягодами, туковыми листьями и т.п., следовательно, нет необходимости заимствования – подобные похожие

мотивы не могут не возникнуть) и ждет превращения дубов в тутовые деревья. Соответственно, мотив «черный вихрь уносит девушку» становится мотивом со значением «нарушение» (ср.: в сказке гуси-лебеди крадут мальчика), за которым следует мотив «отправки» на поиски, а за ним мотив «травы, яблони, птицы помогают невестке». (Ср.: в сказке «Гуси-лебеди» сестрица на пути к избушке бабы-яги проходит печку, яблоню и речку). Это «путь туда», т.е. первая субмотифема второй (желтой) мотиформы. Однако, поскольку это путь в никуда, ибо невестка даже на след напасть не может (нет «ёжика», как в сказке «Гуси-лебеди», который бы указал направление), то безуспешный поиск принимает значение «отправки» в форме мифологического «следствия» (слияние или стягивание двух соседних мотивов как вершин повествования), т.е. движения к «смерти». Конечная ситуация – превращение (оборачивание) невестки красивой птичкой (вспомним, что в начале сказки говорится о красоте невестки). Все повествование окрашивается в красный цвет.

NB Собственно говоря, красивая птичка среди тутовых деревьев и есть избушка бабы-яги, но в избушке этой заточена сестренка, а не братец, памятуя о том, что «во первых строках» произошла подмена протагониста (девочка в сказке «Гуси-лебеди» является агонистом). Братца уносят гуси-лебеди, а сестренка оказывается в избушке бабы-яги.

Совершенно неожиданно открывается еще один слой. Сказка типа «Аленький цветочек». Мотив «дочь старухи продает себя Князю гор» и мотив «черный вихрь уносит дочь старухи». Возможность спроецировать сказку «Птица Чжаогу» на сказку «Аленький цветочек» (по афанасьевскому сборнику, «Заклятый царевич») подтверждает, подчеркивает, что протагонистом является именно дочь старухи, с одной стороны, и показывает, что сказка «Птица чжаогу» может уместиться в рамках первой мотиформы, которая заканчивается мотивом «перемещение героини в пространство хозяина чудесного сада и дворца» (в этом смысле требование набрать полную корзину тутовых листьев и привезти аленький цветочек – это одно и то же).

Главная особенность нарратива «Птица чжаогу» - нарушение правила жесткого параллелизма мотивов (подмена протагониста). Мотив «девушка предлагает себя в жены Князю гор в обмен на тутовые листья», можно сказать, слишком сильный мотив. Это мотив подвига-нарушения (самопожертвования), проявления гордыни, непочтительного отношения к верховному существу. Ср. невестка покорно, пассивно ждет, чтобы представитель какой-то из высших сил, выполнил ее желание. Яркость данного мотива делает его центральным для всего нарратива, и этот нарратив предстает уже в форме мифа по схеме: начальная ситуация (описание отношений между членами семьи), отлучка (дочь старухи следует в лес вслед за невесткой), нарушение (обращение к верховному существу) следствие

(черный вихрь уносит невестку, тем самым покарав дочь старухи, которая превращается в птицу) и конечная ситуация (красивая птичка обречена на вечную муку в поисках пропавшей сестрицы).

Вопрос о соотношении нарратива «Птица чжаогу» и «Богиня печи». Почему первый помещен в разделе волшебных сказок, а второй – сказов и легенд? Ввиду сложности преобразований, из которых мы описали лишь малую толику, нарратив «Птица чжаогу», как представляется, невозможно трансформировать в «Богиню печи» (тот же сборник) изустно, посредством другого устного сообщения, другой сказки (в качестве шаблона) – что называется сходу, в уме, т.е. без посредства письменной речи (без такого инструмента, как письмо). Письмо в значении сообщение – текст на бумаге или других материалах, используемый при переписке между **двумя и более адресатами**. Упомянутые нарративы – два адресата.

Отпечаток книжности присутствует. Примечательно, что несмотря на всю сложность преобразований, создатель (или исполнитель) рассматриваемого нарратива ни разу не ошибся в мотивемной последовательности, с цветом мотивем. **Ни одной лишней детали при сборке.**

В целом же нам пока удастся установить отдельные правила, но не уловить алгоритм использования этих правил, т.е. алгоритм трансформаций одной сказки в другую. Что делается по порядку (попеременно), а что одновременно? (Ср. умножение в столбик, умножение векторов и пр. Сказочники всеми этими и гораздо более сложными моделями пользуются довольно лихо).

Вместо заключения вопрос: существуют ли (сохранились ли) в китайской народной традиции волшебные сказки в чистом виде? Сращивание устной и литературной традиции? Возникает впечатление, что китайские авторы (или исполнители?) держали перед собой или в голове тексты классических сказок и переделывали их по своему произволу, следуя тем или иным традиционным сюжетным линиям.

Ср. сказку «Как юноша любимую искал» из того же сборника. Можно ли представить, что в русской сказке о молодильных яблоках герой не спасает своих братьев, а они не предают его, бросив в пропасть, чтобы ему пришлось выбираться и проходить процедуру узнавания. Еще один вопрос: сказка, сказ или легенда? Как их отличить? Как собирались образцы фольклора? Сказка «Птица чжаогу» буквально выращена из образа птицы чжаогу (?), что делает ее похожей на мифологические нарративы. В связи с этим возникает еще один вопрос. Вообще, что первично: конечная ситуация (этиологический мотив) или текст (тело) нарратива. Что к чему пристраивается? Не виляет ли хвост собакой, и если да, то в каких случаях?